

Ключевые слова: [ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ МОЛИТВА](#); [ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ МОЛИТВА, ПРОСТРАННАЯ](#); [МОЛИТВА](#)

[Об этом документе \(щёлкните, чтобы узнать больше\)](#)

Примечание: Этот документ больше не доступен по своей исходной ссылке; скачано с [archive.org](#).

Некоторые мимолётные комментарии насчёт Пространной обязательной молитвы Бахаулла

[Билл Вашингтон](#)
([Bill Washington](#))

опубликовано в журнале
[«Исследования бахаи в Австралии», т. 3](#)
([Bahá'í Studies in Australasia vol. 3](#))

Роузберри: Ассоциация исследований бахаи Австралии, 1996 г.

Чтобы прийти к пониманию Пространной обязательной молитвы, явленной Бахаулла, мы должны сначала прийти к пониманию цели самой молитвы — понять, почему мы молимся и как молитва влияет на нас.

Абдул-Баха говорит нам — и эти слова записаны в книге «Бахаулла и новая эра» — что «...в высшей молитве люди молятся только из любви к Богу, а не потому, что они боятся Его или ада либо надеются на щедрость или небеса... Когда один человек влюбляется в другого, он не может не упоминать имени своего возлюбленного. Насколько же труднее человеку, возлюбившему Бога, воздерживаться от упоминания Его Имени... Духовный человек ни в чём не находит радости, кроме как в поминании Бога».¹

Таким образом, мы видим, что, по сути, молитва — это естественная реакция на нашу любовь к Богу, это нечто, что истекает из души, когда у неё завязывается любовный роман с её Создателем. Абдул-Баха подтверждает это, когда Он говорит: «Если друг влюблён в кого-то, разве не естественно, что он хотел бы выразить это словами? Хотя он знает, что другу ведомо о его любви, разве не захочет он всё равно рассказать ему об этом?... это правда, что Бог знает желания всех сердец; но импульс, побуждающий нас вознести молитву, вполне естественен и вытекает из любви человека к Богу».² Поэтому молитва так же естественна для нас, как дыхание — без дыхания мы не сможем существовать физически; без молитвы мы не сможем существовать духовно.

Но хотя в человеческой природе существует естественная склонность обращаться к Богу, есть ещё одна сила, которая привлекает нас к материальному миру, в котором мы живём. Действительно, Бог дал нам выбор в отношении направления, куда мы обращаемся. Адиб Тахерзаде так говорит об этом в своей книге «Завет Бахаулла» — «Сердце имеет свойство влюбляться во что-то, но только сам человек находит и выбирает, во что именно».³ Если мы обратим наше внимание и привязанность на

материальный мир, наши сердца очень легко привяжутся к материальным вещам, к вещам этого мира. Но если мы обратимся к Богу и миру духовному, то наши сердца станут всё сильнее привязываться именно к этому духовному миру, и любовь к Богу станет расти в нашем сердце. Таково наше истинное назначение,— но это может произойти только в том случае, если мы выполним другое условие, которое Бахаулла ясно излагает в «Сокровенных Словах»:

О сын бытия! Твоё сердце — обитель Моя; освяти его для Моего сошествия. Твой дух — место откровения Моего; очисти его для Моего явления.⁴

И в другом стихе «Сокровенных Слов» Бахаулла объясняет, как мы можем освятить наши сердца:

О сын праха! Всё, что ни есть на небесах и на земле, Я предназначил тебе, кроме сердца человеческого, кое соделал Я обиталищем Моей красоты и славы,— но ты отдал Мой дом и жилище иному, чем Я. И всякий раз, когда явление святости Моей искало Своего пристанища, оно находило там чужака и, бездомное, спешило ко святилищу Возлюбленного...⁵

И в другом стихе Он предупреждает нас:

О друг мой на словах! Поразмысли немного. Слыхал ли ты, чтобы друг и враг уживались в сердце одном? Изгони же чужака, дабы вошёл Друг в дом Свой.⁶

Таким образом, это становится задачей наших духовных поисков — «изгнать» из нашего сердца этого «чужака» привязанности человека к вещам материального мира. И когда мы приходим к более глубокому осознанию величия и удивительной царственности Бахауллы как Верховного Богоявления, мы обретаем смирение перед Ним — и, как объясняет Адиб Тахерзаде, такое смирение духа есть глубокое осознание нашей собственной ничтожности по отношению к Его владычеству — и это становится одной из основных предпосылок для того, чтобы вытеснить из сердца «чужака», шаг за шагом.

В этом контексте Адиб Тахерзаде затем рассказывает нам мудрую историю из старинной персидской поэмы, полностью проясняющую этот момент. Это история о капле дождя, падающей из облаков и знающей, что она — «вода жизни», отчего она чувствует себя жутко важной и значимой. Внезапно она видит океан внизу и, осознавая свою ничтожность по отношению к обширности океана, восклицает: «Если ЭТО существует, то что такое я?» — после чего океан слышит это её выражение истинного смирения и принимает её в себя, а в качестве награды делает её спутником жемчужины.

Поэтому, чтобы получить преимущества духовного роста, которые скрыты в использовании молитвы, мы должны стать подобными этой капле — то есть, мы

должны ощущать себя каплей по отношению к океану Бахауллы. Таково должно быть настроение нашего сердца, когда мы приближаемся к обязательным молитвам. И эти отношения между нами и нашим Творцом очень тонко выражаются во многих стихах обязательных молитв. Когда мы используем эти молитвы, слова Бахауллы, выражающие эту базовую связь, пронизывают наш дух и становятся частью самого нашего существа.

Адиб Тахерзаде подчёркивает, что ежедневное чтение любой из трёх обязательных молитв может выступать в качестве могущественного оружия в духовной битве против самого себя, — битве, в которой каждый верующий должен сражаться, чтобы покорить своего величайшего врага и вытеснить из сердца «чужака». «Чтение обязательной молитвы — один из самых священных обрядов Веры, предписанный каждому верующему Бахауллой. Это важный фактор, позволяющий душе осознать свою значимость по отношению к её Создателю и признать свои собственные недостатки». ⁷ Он заключает это рассуждение, говоря, что использование обязательных молитв — вместе с ежедневным чтением Писаний, как предписано Бахауллой в Китāб-и-Ақдас, а также более глубоким изучением Откровения Бахауллы, — «позволит верующему получить представление о царственности и величии Благословенной Красоты. Подобно капле, увидевшей океан, наша душа обретёт смирение и сможет отринуть чувство собственной важности. «Чужак» будет изгнан, а сердце наполнено духом Божьей Веры». ⁸

Мы знаем, что чтение одной из обязательных молитв, данных нам Бахауллой, было предписано в Китāб-и-Ақдас, но когда эта великая книга законов была явлена в начале 1873 года, Он отложил ввод в действие определённых её законов, и фактический текст обязательных молитв не был доступен верующим до более позднего времени. Адиб Тахерзаде рассказывает, что Бахаулла дал указание своему секретарю, мйрзе Ақā Джāну, отправить текст обязательных молитв в Персию в 1887 году, в качестве помощи Деснице Дела Божиего мулле Алй-Акбару, который просил раскрыть их ему. В тот момент Он подтвердил, что молитвы были явлены несколькими годами ранее, — но, по-видимому, нет никаких записей, по крайней мере, на английском, о том, когда и при каких обстоятельствах это было сделано. Очевидно, однако, что это была их первая публикация среди верующих — через полтора часа после захода солнца 27 октября 1887 года.

Обязательные молитвы предписаны каждому верующему с пятнадцатилетнего возраста. Выбор между тремя молитвами, данными нам Бахауллой, оставлен на усмотрение самого человека, и ответственность за соблюдение этого закона — тоже исключительно наше внутреннее дело. Это обязательный закон — один из основополагающих законов для каждого верующего, но ни один другой человек или учреждение Веры не имеют права обеспечивать исполнение этих обязанностей.

Для каждой из молитв также предписаны некоторые действия, включая обращение к Қибли Веры; соблюдение этих обрядов — неотъемлемая часть этих молитв. Для некоторых западных верующих действия, связанные с обязательными молитвами, кажутся несколько странными, — возможно, потому, что представители нынешнего поколения на Западе выросли в атеистической среде и никогда не испытывали этого чувства близости к Богу в молитве. Как однажды сказала Аманат ал-Бахā Рӯхййе-хāнум:

Чтобы человек стоял один в своей комнате и протягивал руки не пойми куда, или, опустившись на колени, сидел перед пустой стеной, среди знакомых предметов,— всё это кажется ему неестественным и даже глупым. Это потому, что он потерял ощущение «живого Бога». Бог для него уже вовсе не то ощущение, которое Коран характеризует как «ближе, чем твоя яремная вена», для него это больше похоже на «икс» в каком-то гигантском уравнении. И всё же люди, которых мы чтим, и люди, которым мы стремимся подражать, не стеснялись перед своим Богом. Множество рыцарей-крестоносцев, здоровых суровых мужиков, преклоняли свои колени на камнях Иерусалима, где, как они знали, ступали ноги их Господа, и Отцы-Основатели не чувствовали никакой застенчивости, на коленях обращаясь к Богу, который даровал им Америку, их новую свободную родину. Молитвы Бахауллы помогут вернуть нас к этому тёплому чувству реальности и близости к Богу. Он никого не принуждает к этому. Он просто берёт нас за руку и направляет на безопасную дорогу, проложенную нашими предками.⁹

Обязательные молитвы, предписанные Бахауллой, также отражают культуру и общество, в которых живёт Богоявление. Это чётко объясняет Адиб Тахерзаде в своей книге «Откровение Бахауллы», где он комментирует влияние личности, языка и культуры Богоявления на форму, которую принимает Его Откровение. Он ссылается на жесты и движения, которые сопровождают обязательные молитвы, в качестве примера этого, и объясняет, что эти жесты «предназначены для символического выражения отношения человека к своему Господу. Сочетание произносимых слов с сопровождающими их действиями позволит более глубоко осознать владычество Божие и бессилие и нищету человека в этой жизни».¹⁰ Он указывает, что в обществе, в котором воспитывался Бахаулла, «существовали определённые послания, передаваемые движениями рук или тела... Бахаулла включил в ритуальные действия эти столь привычные Ему движения, символизирующие различные чувства, такие, как смирение, мольба и служение Богу... В персидской культуре было принято поднимать руки к небу при молении Господу, или сгибаться в поклоне, проявляя смирение, или простираться ниц перед Богом, выражая своё полное ничтожество перед Ним. Эти действия Бахаулла и включил в обязательные молитвы, чтобы увеличить пыл и преданность слуги в тот момент, когда он молится своему Господу и демонстрирует, как словами, так и действиями, возвышенность, величие и славу Божию, признавая своё собственное положение слуги у Его Порога».¹¹

Верующие, вышедшие из этой культуры, хорошо знакомы с этими жестами в контексте молитвы; у них также не вызывает удивления факт наличия молитв, которые предписаны в качестве обязательных и которые считаются неотъемлемой частью соответствующей религии. Обязательные молитвы были одной из трёх основных форм молитвы в Исламе: *ṣalāt* — или, по-персидски, *namāz*. С точки зрения западного мышления, те молитвы, которые составляют *ṣalāt* в Исламе, даже нельзя назвать молитвами. Это, скорее, с их точки зрения, ритуальные обряды, которые выполнялись согласно сопровождающим их инструкциям. Но в действительности это именно разновидность молитвы, которую Бахаулла снова предписал в форме Своих обязательных молитв — хотя и с одной очень значительной разницей: в то время как в Исламе они обычно совершаются публично, Бахаулла постановил, что в этом Законоцарствии эти молитвы должны быть личным делом и должны выполняться в уединении, в личном пространстве своей комнаты. Причина этого, указывающая на

важность отхода Бахауллы от прошлой практики в Исламе, объясняется Бабом в Его «Персидском Байане»:

Причина, по коей предписано уединяться в моменты совершения молитвы, заключается в том, что ты лучше сосредоточишься на поминании Бога и сердце твоё всегда будет оживляться Духом Его, и не будет отгорожено, будто завесой, от Наивозлюбленного. Пусть язык твой не пустословит, изрекая хвалебные слова Богу, в то время как сердце твоё не звучит в лад с горными высотами Славы и Средоточием причащения к Богу.¹²

В самом начале Пространной обязательной молитвы наши сердца сразу настраиваются на такое отношение, подобающее тому, кто взывает к Господу, — но обратите внимание на мягкость используемого языка и характерное отсутствие принуждения, неизменно сопутствующее всем основным законам Бахауллы:

Желающий произнести эту молитву пусть встанет и обратится к Богу и, стоя на месте, посмотрит направо и налево, как бы ожидая милости Господа своего, Наимилосердного, Сострадательного.¹³

Во-первых, эти инструкции адресованы только тому, кто «желает произнести эту молитву», а последующее указание формулируется со всей возможной учтивостью: «пусть встанет и обратится» и «пусть посмотрит». Мы отмечаем, что этот характер формулировок — такой мягкий и нетребовательный — отмечает каждую из инструкций, которые ведут нас через действия, сопровождающие молитву.

В первом стихе молитвы проситель обращается к своему Господу — «Господу всех имён» — и имя этой Безымянной Сущности непосредственно связано с теми, кто суть «Рассветы» этой «Незримой Сущности». Мы можем заметить, что в некоторых предложениях на протяжении всей этой молитвы нам ясно, к кому относятся слова — к непознаваемому Богу или к Его Явлению для сей эпохи, тогда как в других местах эти два образа настолько переплетаются, что дают нам повод для серьёзного размышления, — то ли тут имеется в виду Вечная Сущность Бога, то ли Проявление Его атрибутов.

Возможно, с точки зрения нашего скромного положения это не так важно — как признаётся Сам Бахаулла, несмотря на возвышенный характер Его Самого как Богоявления и как Проводника Величайшего Духа, отношения между Богоявлением и той Сущностью, которую Он являет, выходят за рамки не только нашего понимания, но и понимания самого Её Явителя. В одной из своих молитв Бахаулла ясно свидетельствует о Своей неспособности понять Сущность Бога или получить к ней доступ:

*Клянусь Твоей Красотой, О Царь вечности, восседающий на Своём
Наиславнейшем Престоле! Тот, Кто есть Рассвет Твоих знамений и
Явитель Твоих ясных знаков, признаёт, несмотря на всю Свою
мудрость и возвышенность Своего знания, что не в силах уразуметь
простейшее из Твоих высказываний касательно Твоего
Наивозвышенного Пера,— сколь же менее того способен Он постичь
природу Твоей преславной Личности и Твоей наивеличественной
Сути!*¹⁴

Тем не менее, в «Персидском Байāне» Бāб утверждает, что «Тот, Кого явит Бог», будучи Глашатаем Бога, провозгласит: «Истинно, истинно, Я есмь Бог, нет Бога, кроме Меня; Поистине, все иные, кроме Меня,— Мои создания»,¹⁵ и в Сӯрий-и Хайкал Бахаулла провозглашает: «В Моём храме не узришь ничего, кроме Храма Божиего, в Моей красоте — Его Красоты, в Моей сущности — Его Сущности, в Моей природе — Его Природы...»¹⁶

В другой молитве Бахаулла описывает Свои отношения с Богом такими словами:

*Когда Я созерцаю, о мой Боже, узы, что связывают меня с Тобою, Я
готов возвестить всему творению: «Истинно, Я есмь Бог!»; но когда
Я задумываюсь о личности Своей, о, Я вижу, что она грубее
глины!»*¹⁷

Когда мы размышляем об этих словах Бахауллы, мы осознаём свою ограниченность и неспособность понять эти отношения, установленные в духовном царстве, в принципе непостижимом для нас; мы просто стоим в изумлении, осознавая, что нам разрешено хотя бы чуть-чуть соприкоснуться с миром Откровения,— что уж говорить об опыте Богоявлений, Которые обеспечивают нам единственную связь с Подлинной Сущностью Бога. На этом уровне мы можем не более чем восхищаться океаном значений, содержащихся в Его словах, признавая своё полное бессилие полностью разобраться в них.

В этом первом стихе проситель с наивысшим смирением «молит» своего Господа сделать возносимую им молитву «огнём, что сожжёт завесы», вставшие между ним и Богом, и «светом», который «приведёт» его «к океану» Его «присутствия». Понятия «завес» и «океана» неоднократно встречаются в Писаниях. Бахаулла часто ссылается на «завесы имён», «праздные измышления», «человеческую учёность и ложные вымыслы», «себялюбивые желания» и «беспечность» людскую. Он также цитирует в своих «Четырёх долинах» одного из поэтов старой Персии, который сказал: «Любовь — завеса меж любящим и любимым»,¹⁸ и в «Китаб-и-Игане» Он ссылается на эту «завесу»: «Он пребывает и всегда пребывал сокрытым в предвечности Сути Своей, и вовеки пребудет Он в Своём Естестве непроницаемым для человеческого взгляда».¹⁹ Термин «океан» также встречается в Писаниях в самых разных контекстах, иногда обозначая обширность различных аспектов Его Откровения или Его атрибутов, а в других Скрижалях — само Откровение. «Величайший Океан явлен, и из волн его можно услышать громогласный клич: Воистину, нет Бога, кроме Меня, Несравненного, Всезнающего».²⁰

В следующем стихе молящийся поднимает руки и исповедует своё полное смирение и ничтожность перед Богом, а также полное подчинение Его воле. Эта тема повторяется на разные лады: в каждой фразе усиливается чувство полного ничтожества перед

лицом Бога, важность благоугождения Ему и приоритет Его повелений для нас. Во фразе «Я Твой слуга, о мой Господи, и сын Твоего слуги» тот, кто произносит молитву, включает в неё своих родителей, — а возможно, и предков на многие поколения назад, связывая их с собственными отношениями с Богом. Ссылка на «нить Твою, движением коей возбуждено было всё творение», напоминает другие отрывки из Писаний, в которых Бахаулла призывает нас «крепко держаться за Его нить, — нить, кою никто не может разорвать». Мы вспоминаем здесь про «нить Моего поминания», «нить терпения» и «нить надёжности и благочестия».

Затем проситель становится на колени и, коснувшись лбом земли, свидетельствует о возвышенной природе Бога. Формулировка этого короткого стиха — сжатая и лаконичная, но содержит в себе множество значений. Наверное, из этого стиха в древние времена и в прежних Законоцарствиях могла бы развиться целая религия. Это прекрасное возгласие превознесённой и непознаваемой природы Бога ярко контрастирует с низким положением благоговения, которое проситель принимает на этом этапе молитвы.

Встав прямо, он затем умоляет своего Господа, чтобы благодаря этой молитве он мог приобщиться к вечности Божьего творения, и свидетельствует о том, что его цель в поисках этой щедрости — «упомануть о Тебе» во всех мирах Божиих. Повторяя слова этого стиха, мы думаем о кратчайшей из трёх обязательных молитв, где мы свидетельствуем, что цель нашего творения в том, чтобы познать Бога и поклоняться Ему.

Снова поднимая руки в мольбе, он затем изливает своё сердце в стихе, который ещё раз подчёркивает взаимоотношения молящегося со своим Создателем — он «странник», который спешит домой; он «грешник», умоляющий о прощении; он «униженный», стремящийся к царскому двору своего Возлюбленного; он «нищий», желающий обрести те духовные богатства, которыми располагает Бог-Всевладелец. И вновь он свидетельствует о всеобъемлющей власти Бога — и, по внутреннему смыслу этого утверждения, о своём собственном подчинённом положении слуги.

Взывая к Богу Его Величайшим Именем — тем самым Именем, которое должно было открыться всему творению только с приходом Верховного Богоявления, — и усиливая этот призыв, повторяя его три раза и сопровождая его жестом мольбы, — он снова склоняет голову и, положив руки на колени в позе смирения, признаётся в том, что его дух стремится занять предназначенное ему положение слуги. Он свидетельствует о своём сокровенном желании упомянуть Бога в молитве и восхвалить Его, и о том, что стремится привести своё свидетельство в согласие с тем, что было открыто Богоявлением. Он умоляет о щедротах Божиих — но не ради себя или ради обладания этими дарами, но исключительно для демонстрации, со всем возможным смирением, обширности той пропасти, которая простирается между Богом и Его творением.

Образ «Уст» (или «Языка») во фразе «Уста Твоей Заповеди» — выразительная метафора, заставляющая нас задуматься, — часто используется в Писаниях бахаи в отношении Самого Богоявления как «Явителя Слова Божиего». Её можно встретить в таких фразах, как «Язык Речения», «Уста Мудрости» и «Уста Могущества и Силы». Иногда этот образ используется для обозначения Предвечного Духа, который выступает источником энергии для Откровения. Мы читаем в первых строках «Послания к Сыну Волка»: «Всё сотворённое свидетельствует о том, о чём возвестили Уста величия Твоего перед его сотворением»,²¹ и в первом стихе «Таджжаллийята» («Отблесков»): «Тот, кто верит в Него и в зна́мения и в свидетельства Его, воистину признаёт то, что Уста Величия изрекли до сотворения земли и небес и до явления Царства Имён».²²

Дважды подняв руки,* он затем свидетельствует о силе и власти Творца и о своём жалком положении — ибо без Божьего прощения, без Его милости и благодати даже невозможно себе представить, что мы сможем достичь Его возвышенных чертогов. Здесь проситель свидетельствует о той истине, что никто во всём творении не достоин приблизиться к Божьему присутствию или приобщиться к щедротам, которые Он постоянно изливает на нас. Мы и существуем-то исключительно благодаря Его милости и благодати, не говоря уже о том, чтобы приблизиться к Его возвышенному царскому двору. Будучи существом ограниченным, человек совершенно недостоин даров Божиих, и даже декларация своей веры в Него,— то есть, наше признание положения Бахауллы в эту эпоху,— обусловлена щедростью Бога, а не нашими собственными врождёнными достоинствами. Стих заканчивается возвращением к первоначальной теме: к исповеданию полноты власти Бога по отношению ко всем Его созданиям.

Затем проситель, с поднятыми в мольбе руками, повторяет три раза стих «Велик Бог превыше всякого великого!»[†] — это обманчиво простое утверждение, важность которого, однако, подчёркивается его троекратным повторением. Страшно далеки мы от истинного понимания любого Богоявленного Слова и того влияния, которое оказывает оно на тварный мир,— но мы можем ощутить в повторении этого стиха странную силу. Повторение некоторых призывов — хорошо известная нам молитвенная практика. Вспомните повторение Величайшего Имени в обязательной молитве, увещание Бахауллы в «Китāб-и-Ақдас» повторять то же самое Величайшее Имя 95 раз в день.[‡] И хотя рациональный западный ум может усомниться в значимости этого предписания, но когда мысли полностью погружены в молитву, возникает духовная сила, которую разум не может ни постичь, ни измерить.

Когда проситель затем опускается на колени и касается лбом земли, молитва, кажется, достигает кульминации, превращаясь в хвалебную песнь в честь Единого Творца — песнь, которая выходит за рамки выразительных возможностей обычных слов. В наших мыслях мы представляем «приближенных к Тебе» — возможно, имеются в виду Небесные сонмы,— и их хвалы Богу, которые стремятся достичь Его Присутствия, и в наших собственных умах бессознательно зарождается надежда, что возможно,— возможно! — мы тоже сможем стать одними из тех, чьи сердца преданы Ему. Судя по всему, это нам вполне доступно.

Последующие слова этого стиха снова свидетельствуют о возвышенной природе Бога, который «освящён превыше всех определений и свят превыше всех имён». Бахаулла уверяет нас, что Бог в Своей Сущности превосходит все определения — в тот самый момент, когда мы связываем с Ним какой-либо атрибут или качество, мы немедленно обнаруживаем, что они совершенно не подходят для описания Его глубинной и бесконечной природы, потому что любое качество, которое мы можем озвучить —

* Авторитетного разъяснения по этому поводу нет, но некоторые бахаи считают, что один раз следует поднять руки, говоря «Нет Бога, кроме Тебя, Всемогущего, Всещедрого», второй раз — говоря «Нет Бога, кроме Тебя, Устроителя, как в начале, так и в конце», а затем руки следует опустить и дальше читать этот абзац с опущенными руками — *прим. перев.*

[†] Подразумеваются разные великие люди — или, возможно, иные великие живые существа. В английском переводе Шоги Эффенди использует здесь вполне понятное выражение «great one», подразумевающее именно такой перевод. К сожалению, в более поздних изданиях молитвенников (позже оригинального издания Пространной обязательной молитвы в составе Китāб-и-Ақдас в 1998 году) редакторов настолько смутил этот термин, что они решили заменить его на более гладко звучащее по-русски «Велик Бог превыше всякого величия» — *прим. перев.*

[‡] Есть множество других примеров. Повторение стихов в обязательной молитве по усопшим, девятнадцатикратное повторение фраз «Тому, кто верит в Бога, Бог всё дарует» и «тому, кто боится Бога, Бог посылает облечение», предписанное Бахауллой губернатору Багдада, который попал однажды в крайне опасную для него ситуацию, и т. д. — *прим. перев.*

сколь угодно возвышенное — будет ограничено. Даже возвышенные титулы «Всезнающего» и «Несравненного» нельзя отнести к Его внутренней Реальности, а скорее к Личности Богоявления.

В этом парадокс нашей молитвы, обращённой к Сущности, природа Которой совершенно недостижима для нас и превышает любого нашего описания или понимания,— и нас поражает осознание того, что порог обители Богоявления — это, на самом деле, самая дальняя точка, которой мы когда-либо сможем достичь. Как говорит Бахаулла: «...Обретением присутствия сих священных Светочей достигается Само "Присутствие Божие"». ²³ Мы приближаемся к царству, в которое ум не может войти. Дух, может быть, когда-нибудь и сможет, когда пробьёт назначенный час, но это духовная область, в которой интеллект совершенно бессилен.

Затем проситель садится и произносит первое из двух основных заявлений, содержащихся в этой молитве (второе содержится в последнем стихе),— он свидетельствует, на этот раз истинно величественным языком, о существовании и единстве Бога, а также о Богоявлении для сей эпохи Величайшего Духа — о Бахаулле. При этом он связывает свою собственную молитву со свидетельством тех, кто находится на всех уровнях творения: «всё сотворённое», «горние Сонмы», «обитатели наивозвышенного Рая» и сами «Уста Величия». Нам стоит задуматься о том, что означают эти термины, и погрузить наши умы в то множество значений, которые существуют в каждом слове излияний Откровения Бахауллы.

Встав прямо, он затем просит помощи у своего Господа, чтобы тот помог ему обратиться к Нему и подчиняться Его заповедям. Этот стих, наполненный эмоциями и изобилующий яркими аллегориями, позволяет просителю излить свои самые сокровенные чувства, признаваясь в своей полной неадекватности перед лицом своего Господа. Здесь он признаёт, что его всепоглощающая удалённость от своего Господа целиком и полностью обязана его собственным недостаткам и прегрешениям, и просит Его помощи с тем, чтобы приблизиться к Нему. Бахаулла запретил практику исповедания грехов в качестве религиозного ритуала; в Скрижали «Бишарат» Он говорит:

*Исповедь грехов и проступков пред существами человеческими
непозволительна, ибо сие никогда не благоприятствовало и не будет
благоприятствовать Божественному прощению.²⁴*

Но в той же Скрижали Он продолжает:

*Когда грешник достигает полной отрешённости и свободы ото
всего, кроме Бога, следует ему просить прощения и милости у Него...
Грешнику надлежит наедине с Богом умолять Его о милосердии от
Океана милости, просить прощения с Небес щедрости...²⁵*

В этом стихе Бахаулла даёт нам слова, которыми мы можем исповедаться Ему в наших грехах и попросить Его о руководстве, чтобы мы могли вернуться на истинный путь.

Затем молящийся снова трижды повторяет Величайшее Имя и, склонившись и держа руки на коленях в знак смирения, выражает свою благодарность Богу за то, что Тот позволил ему достичь состояния веры — состояния, без которого вечная жизнь была бы невозможна. Всё, чем мы являемся, и всё, что мы делаем, в конечном счёте, обязано

Божией любви и помощи: наше поминание Его и хвала Ему, наше признание Его Явления и наше послушание Его увещаниям. Ведь хотя мы можем посвятить свою жизнь нашему Господу и Его Делу, эта жизнь — в первую очередь Его дар нам. На самом деле, мы просто отдаём Ему то, что уже и так принадлежит Ему, — то, чем мы пользуемся какое-то время взаимы, — но при этом наш выбор всё равно очень важен... и это тоже Его дар нам.

Выпрямившись, верующий ещё раз повторяет — на этот раз языком, от которого закипает кровь в жилах и разум содрогается до самого основания, — что он недостойн искать щедрот Божиих. В этом стихе говорится: «Сердце моё плавится во мне и кровь закипает в жилах» — и это напоминает нам постскриптум «Огненной Скрижали», где Бахаулла уверяет нас, что «коль слуги все прочтут сие и взвесят, в их жилах возгорится пламень, способный охватить миры». Образ «молящих рук», которые грешник не решается протянуть к Богу, ибо чувствует себя недостойным, наверняка вызовет у каждого свои воспоминания о каких-то допущенных в прошлом ошибках, и для каждого это будет очень личная исповедь. Признание того, что наши слёзы могут помешать нам помянуть Бога, перекликается с постоянными увещаниями Абдул-Баха о том, чтобы мы были счастливы. Возможно, в этом больше мудрости, чем просто Его вездесущая любовь и нежная забота о нас, — мы все знаем, как это бывает, когда неизбежные бедствия, случающиеся с нами, сокрушают нас и мешают нам обратиться к молитве как раз в то время, когда мы, безусловно, нуждаемся в ней больше всего. Стих завершается мольбой о том, чтобы любые события в нашей жизни были исполнены Божьей щедрости и милости.

После третьего повторения Величайшего имени он затем становится на колени, касаясь лбом земли, в позе предельного смирения, и восхваляет Бога за то, что Он приблизил нас к Себе и даёт нам руководство, проистекающее из Его могущественного Откровения. Использование множественного местоимения в этом стихе, в призыве «О наш Боже» в этой очень личной молитве, судя по всему, имеет целью связать нас со всеми нашими единоверцами, — а возможно, и со всеми живыми существами, — в этом восхвалении нашего Господа. В заключительных строках этого стиха мы просим защиты у Того, Кого мы признаём «Могущественным» и «Всезнающим», против побуждений нашей собственной низшей природы — «чужака» внутри нас.

Молитва завершается вторым из двух основных утверждений о вере: всё творение принадлежит Богу, Творцу; и в этом проситель, подняв голову от земли, но оставшись сидеть, связывает своё свидетельство со свидетельством Божиих «Избранников» и тех, кто находится на других планах духовного существования, за пределами нашего понимания. И здесь перед нами вновь встаёт вопрос о смысле этих фраз — кто такие «обитатели всевышнего Рая» и «те, что окружают Твой могущественный Престол». Действительно, в словах этой молитвы многое разжигает наше воображение и даёт нам массу возможностей глубоко поразмыслить, — и, когда мы обдумываем эти фразы и вызываемые ими образы меняются в зависимости от уровня рассматриваемых значений, мы постепенно растём в нашем понимании внутренней значимости этой молитвы.

Но даже если мы ещё не достигли такого глубокого понимания, систематическое чтение этой молитвы окажет немедленное влияние на нашу душу, и дух веры внутри нас будет расти, — хоть с пониманием, хоть без него. Этот эффект можно уподобить воздействию гениальной симфонии, небесной и волнующей, слушая которую, мы, — даже с нашим неуверенным и ограниченным пониманием, — сможем почерпнуть в ней вдохновение и глубокую духовную силу.

[Источники](#)

-
- ¹ Абдул-Баха, цит. в книге «Бахаулла и новая эра». Из заметок мисс Алмы Робертсон (Alma Robertson) и других паломников, ноябрь-декабрь 1900 г.
- ² Абдул-Баха, цит. в книге «Бахаулла и новая эра». Из заметок мисс Е. С. Стивенс (E.S. Stevens), 1911 г.
- ³ Адиб Тахерзаде. «Завет Бахауллы», с. 262 ("The Covenant of Bahá'u'lláh", GR 1992).
- ⁴ «Сокровенные Слова», с арабского, № 59.
- ⁵ «Сокровенные Слова», с персидского, № 27.
- ⁶ «Сокровенные Слова», с персидского, № 26.
- ⁷ Адиб Тахерзаде. «Завет Бахауллы», с. 264 ("The Covenant of Bahá'u'lláh", GR 1992).
- ⁸ Там же, стр. 264.
- ⁹ Амант ал-Бахā Рухиййе-хāнум. «Молитвы Бахауллы», опубликовано в издании «Мир бахаи» (Bahá'í World), том VIII, стр. 801 (США, 1945).
- ¹⁰ Адиб Тахерзаде. «Откровение Бахауллы», т. 3, с. 349 ("The Revelation of Bahá'u'lláh", GR 1983).
- ¹¹ Там же, стр. 249-250.
- ¹² «Избранное из Писаний Бāба», с. 98 («Персидский Байāн», IX, 4) (1976).
- ¹³ «Молитвы и размышления», с. 317 ("Prayers and Meditations by Bahá'u'lláh", США, 1954).
- ¹⁴ Там же, стр. 273.
- ¹⁵ «Избранное из Писаний Бāба», стр. 98 («Персидский Байāн», VIII, 1) (1976).
- ¹⁶ Цитируется в книге «Миропорядок Бахауллы», стр. 109 (США, 1938).
- ¹⁷ Там же, стр. 113.
- ¹⁸ «Семь долин и Четыре долины», с. 60 (США, 1975).
- ¹⁹ «Китāб-и Йқāн», с. 98 (США, 1950).
- ²⁰ «Скрижали Бахауллы, явленные после Китаб-и-Агдас», стр. 247 (1978).
- ²¹ «Послание к Сыну Волка», стр. 3.
- ²² «Скрижали Бахауллы, явленные после Китаб-и-Агдас», стр. 47 (1978).
- ²³ «Китāб-и Йқāн», с. 142 (США, 1950).
- ²⁴ «Скрижали Бахауллы, явленные после Китāб-и-Ақдас», стр. 24 (1978).
- ²⁵ Там же, стр. 24.